

Июньский зной был невыносим. Еще до наступления пика летней жары воздух стал настолько тяжелым, что даже от малейшего движения по телу градом катился пот. Атмосфера была пропитана невежеством, юностью и гормонами. Фоновая музыка, от которой поначалу закладывало уши, сменилась мягкими, мелодичными ритмами. Медленный танец позволял молодым людям прижиматься друг к другу, в полумраке ощущая тепло чужой кожи.

Сейчас был самый подходящий момент — выпускной из старшей школы уже на носу, кто-то украдкой приложился к бутылке, кто-то, возможно, добавил в напиток что-то покрепче. Пьянящее чувство постепенно нарастало, и вместе с ним, словно дым, улетучивался в небеса здравый смысл. В такт музыке лица сближались, а в воздухе повисло густое предвкушение чего-то большего.

Поверьте, в такие минуты отказать вам практически невозможно. Разумеется, если вы хотите что-то выведать, лучше времени не найти.

— Я же говорил, что он гей, а в него, как назло, влюбилась даже Дороти, — у барной стойки на краю танцпола черноволосый парень хлопнул товарища по плечу и рассмеялся, обращаясь к окружающим.

У того, кого похлопали по плечу, было красивое лицо, мягкие светло-каштановые волосы, которые так и хотелось взъерошить, и глубокие, зеленее изумруда, глаза, в которых всегда искрилась улыбка. От него исходила сама жизненная энергия юности. Стоило ему улыбнуться, как его живая мимика согревала всех вокруг.

Это был Джеймс Лейтон, выпускник старшей школы. Спустя столько лет он превратился в крепкого, статного парня. После истории с Загадочником и Гэри Макколлом мистер Дженкинс в конечном итоге сдался властям, семья Ридов переехала из города и больше не желала поддерживать с ними связь. Кларк и Брюс также уехали спустя год.

Причина была проста: Кларк не мог долго оставаться на одном месте, потому что он не старел.

Точнее, не совсем так: по словам самого Кларка, его цикл взросления после достижения совершеннолетия был крайне медленным — в разы медленнее, чем у обычных людей, настолько, что это стало бы заметно окружающим.

Они начали вести кочевой образ жизни, переезжая каждые три-пять лет. Но для Джеймса, пока он был рядом с двумя своими приемными отцами, было совершенно неважно, в какой точке мира они окажутся, чем будут заниматься и кем на самом деле является Кларк.

— Ты просто решил, что я должен совершить каминг-аут именно в день выпускного, да? Ну и что мне теперь делать? — с усмешкой спросил Джеймс.

— Эй, бро, скажи честно, ты гей? — Том, сосед Джеймса по комнате и его лучший друг, с хитрой ухмылкой подмигнул ему, стараясь выглядеть максимально непринужденно. — Не

парься, я тебя не осужу, никто не осудит.

— Не совсем, — Джеймс пожал плечами. — Думаю, я бисексуал. По крайней мере, когда смотрю на мужчин, отторжения не чувствую.

— Так ты уже смотрел... ну, такое?

— Томми, если так хочется попробовать, может, вернемся сегодня в общежитие вдвоем? — Джеймс приподнял бровь, и его образ беззаботного парня вмиг сменился властным и острым взглядом, отчего окружающие девушки на мгновение замерли, а затем густо покраснели. Он даже подался вперед, кончиками пальцев легонько коснувшись уголка губ Тома, с явным намеком.

— Я... я не... черт возьми! — Том заерзал так, будто оказался не на суше, а тонул в воде.

— Ха-ха-ха! — Джеймс заливисто рассмеялся, и напряжение, возникшее из-за его провокационной выходки, тут же рассеялось. Окружающие, не зная, то ли выдохнуть с облегчением, то ли испытать легкое разочарование, дружно расхохотались.

Том в досаде схватился за голову, а в следующую секунду попытался придушить Джеймса:

— Ты мерзавец! Понятия не имею, почему все считают тебя хорошим парнем?!

Джеймс ловко увернулся и спрыгнул с барной стойки:

— Может, потому что я и есть самый настоящий хороший парень?

— Иди ты! Найди себе кого-нибудь! Сегодня никто не вернется в общежитие, нет, сегодня ни один нормальный мужик не пойдет в общагу! — в сердцах выпалил Том, вызвав новую волну смеха.

Джеймс взъерошил волосы и лишь улыбнулся. На самом деле он не собирался пускаться во все тяжкие в выпускной вечер, просто чтобы переспать с первым встречным. Возможно, это влияние Кларка и Брюса: несмотря на бездну боли, разделявшую его приемных отцов, он чувствовал, что в этом мире вряд ли кто-то любит друг друга сильнее, чем они.

Они были словно две половинки одного целого — величайшая фигура в природе, идеальный круг без начала и конца, бесконечное слияние.

В глубине души Джеймс мечтал встретить такого человека, независимо от пола или статуса, лишь бы их души были созвучны. Разве может физическое удовольствие сравниться с духовной близостью?

Конечно, он не был святошей, но дважды, когда дело почти дошло до постели, он останавливался. Стоило ему обнять партнера за талию, коснуться кожи и услышать жадное, страстное дыхание, как он терял всякий интерес. Наверное, это трусость, но он не мог продолжать, не мог притворяться, что партнер — не просто похотливый зверь.

К тому же, после выпуска жизнь не заканчивается. Он подал документы в несколько хороших университетов, некоторые уже прислали приглашения и даже предложили стипендию. Хотя у Брюса не было проблем с деньгами, Джеймс считал, что признак взрослости — это финансовая независимость. Он хотел полагаться на свои руки, а не сидеть всю жизнь на шее у отцов.

Вместо того чтобы напиваться до беспамятства и кувыраться с незнакомцем, лучше связаться с Ридом. Этот чертовски умный парень экстерном закончил школу и уже получил степень бакалавра.

Несмотря на то, что семьи рассорились из-за инцидента с мистером Дженкинсом, Рид не забыл своего друга. Благодаря современным технологиям (стоит отметить, что Рид — настоящий ретроград, у него даже аккаунта в Фейсбуке не было, только телефон!), в десятом классе они наконец возобновили общение.

Сравнивать себя с другими — только расстраиваться, — вздохнул Джеймс, покидая танцпол, где концентрация гормонов зашкаливала, и направился к корпусам общежития. Поскольку все выпускники гуляли, а младшекурсники жили в другой части кампуса, здесь было тихо и безлюдно. Настолько тихо, что Джеймс не слышал даже стрекота насекомых.

Он огляделся и едва заметно нахмурился.

Войдя в свой корпус, Джеймс почувствовал на лестнице слабый запах крови. Он нахмурился еще сильнее.

А когда открыл дверь в комнату и почувствовал густой, ударивший в нос запах крови, он... что ж, ситуация располагала к тому, чтобы нахмуриться, но он не был уверен, что от этого будет хоть какой-то толк.

Холодное лезвие кинжала уперлось в горло. Сталь давила так сильно, что казалось, еще мгновение — и она перережет кожу. Незнакомец стоял вплотную, так близко, что Джеймс видел мрачные, лишённые эмоций глаза за металлической маской. Взлохмаченные волосы падали на лоб, а дыхание, сдерживаемое маской, было тяжелым и прерывистым.

Джеймс видел, как со лба незнакомца капли пота стекают по волосам прямо на его собственную открытую ключицу. Они должны были быть холодными, но он странным образом ощущал их тепло.

Противостояние длилось несколько секунд. Джеймс быстро понял: незнакомец не прижался так близко специально — он едва держался на ногах и вынужден был опираться рукой о стену,

чтобы не потерять сознание. Такой сильный запах крови и слабость говорили о тяжелом ранении, даже если ран не было видно.

— Позвольте мне помочь вам, сэр, — прошептал Джеймс, стараясь не двигать шеей.

Мужчина не ответил. Его взгляд оставался неподвижным, как стоячая вода — ни радости, ни гнева, только холод и тишина.

— Я всего лишь школьник, сэр, я не причиню вам вреда. Я хочу помочь. Если вы потеряете сознание и сюда кто-то войдет... пожалуйста, позвольте мне помочь, я буду делать все, что вы скажете, — Джеймс постарался придать голосу как можно больше искренности.

Он мог бы использовать приемы, которым его учили с детства, чтобы выбить нож, но не был уверен, что обойдется без ран при таком близком контакте. К тому же его дар чувствовать эмоции подсказывал: этот человек не так спокоен, как кажется. Он был в отчаянии, он был растерян.

— Сделаешь глупость — умрешь, — глухо и мрачно донеслось из-под металлической маски.

Кинжал отстранился от горла. Джеймс почувствовал, как по коже потекло что-то теплое, коснулся пальцами и увидел кровь.

Мужчина смотрел на него безразличным взглядом, ожидая дальнейших действий.

Джеймс включил свет. Мужчина, явно не привыкший к яркому освещению, поморщился, рука инстинктивно дернулась вверх, но он тут же взял себя в руки, став еще настороженнее.

— Мне нужно было включить свет, иначе я не увижу ваши раны, — объяснил Джеймс. Он поднял взгляд и увидел на стуле свою аптечку. Черт возьми, как он ее достал?

Небольшая, но укомплектованная аптечка была открыта, края были испачканы кровью, капли которой тянулись к окну — окно, разумеется, было распахнуто.

Теперь Джеймс мог рассмотреть мужчину как следует. Первое, что бросалось в глаза — кровь, повсюду кровь, аура убийства. Одна рука была металлической и пугающе поблескивала в свете лампы. На мужчине был облегающий костюм, подчеркивавший мощные, тренированные мышцы — в них скрывалась сила, способная задушить человека в мгновение ока.

На полу валялся окровавленный крупнокалиберный пулемет. Такое опасное оружие было брошено как ненужная вещь.

Джеймс лишь мельком взглянул на него и потянулся к мужчине, но тут же был перехвачен

металлической рукой, сжавшей его с болезненной силой. Мужчина прищурился, в его взгляде читалась угроза.

— Вам нужно сесть, — вздохнул Джеймс, стараясь сохранять хладнокровие, перенятое у Брюса.

Мужчина молча взвесил ситуацию и наконец отпустил руку Джеймса. Он опустился на стул, опираясь на любимую подушку Джеймса, и обнажил раны на животе и груди, которые до этого были прикрыты.

Джеймс, немного знакомый с медициной, невольно ахнул.

— Полагаю, если я предложу вам поехать в больницу, вы меня проигнорируете? — он посмотрел на раненого. Тот даже не ответил и не удостоил его взглядом.

Джеймс догадался: если бы мужчина не был на грани обморока, он ни за что не позволил бы ему обрабатывать раны. Он быстро достал из аптечки спирт, вату, пинцеты и иглу с нитью. На этот раз он не стал действовать сразу, а объяснил:

— Мне нужно приподнять вашу одежду, чтобы продезинфицировать рану... можно?

На этот раз мужчина наконец посмотрел на него, и Джеймс был уверен, что не ошибся в трактовке.

Да, это был чистой воды взгляд свысока. Впрочем, Джеймс и сам понимал, что задает глупые вопросы.

<http://bllate.org/book/18899/1847580>